

Свадьба Ухтинской Карелии.¹

Г. Х. Богданов.

Карельская свадьба сравнительно мало изучена. Это в особенности относится к Ухтинскому району Карелии. Правда, мы находим описание карельских свадебных обрядов у П. С. Ефименко,² с упоминанием, как свадьба проходит в деревнях Юшкозеро и Ухта, но он подходит к этому вопросу с точки зрения обычного права, оставляя многие стороны свадебного ритуала неосвещенными. Второе описание свадьбы сделано в деревне Юшкозеро священником Дьячковым.³ Это описание более полно охватывает свадебные обряды, но в нем совершенно отсутствует песенный материал. Первое описание карельской свадьбы в этом районе, очевидно, относится к 1865 г., а второе к 1878 г. Более позднее описание карельской свадьбы в Ухтинском районе было сделано в 1894 г. финскими исследователями Инха и Карьялайнен в деревне Ювалакша Ухтинской волости и в деревне Костамукша Кондокской волости.⁴ Но и эти описания, являясь наиболее полными, не охватывают всех сто-

¹ Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность Д. А. Золотареву за данные им, при обработке материала, указания и сотруднику Экспедиции Л. Л. Капица за помошь во время работы.

² Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ., Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., 1878 г., VIII.

³ Труды Архангельского Статист. Комитета за 1865 г., книга II, отд. статистики.

⁴ Inha. Kalevalan laulumailta, toinen painos, Tietosanakirja - Osaheyktoon Kirjapaino, Helsinki v. 1921, p. 139—148 и 228—257.

рон свадьбы. Наконец, отрывочные сведения о карельской свадьбе этого района мы находим у Оленева.¹

В 1927 г., участвуя в работах Карельской Этнографической Экспедиции, мы сделали запись старой и новой свадьбы в деревне Каменное Озеро, со слов свахи-профессионалки Марии Пертуевой, 70 лет, и попутно были записаны наблюдения над обычаями новой свадьбы. Сравнения со свадебными обычаями других деревень Ухтинского района сделаны на основании данных в записях сотрудницы Экспедиции Ю. П. Аверкиевой.

Добрачные отношения молодежи. Свадьбе и сватству предшествует период знакомства парня с девушкой. Оно устанавливается на праздниках, вечерках, беседах и танцах, когда в длинные и темные осенние и зимние вечера девушки и парни собираются на вечерку (*illanissunta*), где девушки занимаются рукоделием (вязут чулки, шьют, прядут и т. д.), а парни обмениваются веселыми шутками. Там они облюбуют себе милых (*mielitiettyjä*). На танцах во время храмовых праздников, когда съезжается молодежь с различных деревень, происходит то же самое. В силу того, что родные девушки заботливо оберегают ее от нравственного упадка, это знакомство протекает крайне скрытно, принимая зачастую уродливые формы: парень с девушкой открыто не гуляют, как принято в других местах, а по окончании танцев (*kisat*) парень провожает (*kaitoa*) девушку до дома, при чем обыкновенно по пути они прячутся в сарай, в кусты, где могут просидеть целую ночь. Наиболее счастливые остаются ночевать в том же доме (*kisapirtti*), где были танцы, вечерка или беседа. Нужно сказать, что ничего предосудительного в этих скрытных местах не происходит.

Там при отсутствии посторонних происходит признание в любви, произносятся обьюдные клятвы и обмениваются подарками-залогами (*kihlat*). Парень дает девушке золотое кольцо, а девушка платок, фартук или сшитый из кусков разноцветных материй кисет.

Скрытым характером добрачных отношений между парнями и девушками, очевидно, и объясняется то, что финские исследователи Инха и Карьялайнен, описывая карельскую свадьбу,

¹ И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской ж. д.

пришли к заключению о полном отсутствии добрачных „любовных“ отношений между ними, что совершенно не верно, как не верно и утверждение Оленева, будто в Карелии насильтственных браков не бывает.¹

Но доля истины в этих утверждениях есть. Нам известно не мало случаев, когда девушка была вынуждена выходить замуж по воле родителей, а также и парню приходилось жениться не по своему желанию.

Иногда знакомство может продолжаться годами, но чаще всего оно бывает кратковременным. Долгое знакомство еще не является признаком того, что парень непременно женится именно на знакомой девушке, или девушка выйдет за любимого парня. Иногда случается, что парень бросает девушку, с которой он был давно знаком, и женится на первой попавшейся девушке. И наоборот, девушка может выйти замуж за совершенно незнакомого человека.

Определяющим моментом при женитьбе для парня в большинстве случаев является отсутствие рабочих рук в семье, а для женщины боязнь остаться старой девой и избыток рабочих рук в доме родителей, что бывает после женитьбы ее братьев. Этим и объясняется, что парень старается найти „работящую“ жену и на первое место при оценке достоинств ставит работоспособность невесты.

Вторым и, пожалуй, главным моментом является имущественное положение жениха и невесты; до брака оно подвергается тщательному обсуждению со стороны родных жениха и невесты. Первые обсуждают, сколько невестка принесет приданого, а последние — какая обеспеченность будет у их дочери. Сами же жених и невеста прежде всего учитывают красоту, любовь, ловкость и работоспособность друг друга. Красивыми считаются парни, если они высокого роста, стройны, краснощеки, здоровы на вид и имеют светлые волосы, а девушки — среднего роста, краснощекие, полные, с голубыми глазами и со светлыми волосами.

Бывают случаи, что родители недовольны выбором своих детей, и тогда их воля является решающей. Есть, конечно, исключения, когда девушка выходит украдкой, без согласия на

¹ См. упомянутые сочинения Инхи и Оленева.

то родителей, или парень женится, отделившись от родного двора. Когда девушка выходит замуж без согласия родителей, то обычно никакой свадьбы не бывает. Жених подает носовой платок невесте где-нибудь на вечерке или на улице и ведет ее к себе домой. Это называется: *Uralla miehellä mänöy*, т.-е., выходит замуж на ура.

Оставаться старыми девами девушки боятся, ибо это считается унизительным. Поэтому, они стараются найти себе мужа еще очень молодыми, в возрасте 16—22 лет. Чтобы парни скорее девицу полюбили и женились на ней, матери сами или колдуны-старушки привораживают парней к девушкам (*lemmennosto*) (табл. I). Для этого существует много способов. Один из них таков: в Иванову ночь наломают из молодого березняка веник, которым „хлещут“ девушку, приговаривая при этом неприличные притчания. И горе той старой деве, которую даже не сватали. Ей это при малейших спорах ставится на вид по-говоркой, вошедшей в обиход: *ei ole porohkan voimalla salmojas poltettu* (не зажигали порохом углов твоего дома).

Сватовство. Сватовство сопровождается многочисленными обрядами. Когда сделан выбор невесты, собираются родственники жениха: брат, замужняя сестра, крестный отец, крестная мать и кто-нибудь из богатых родственников; кроме того приглашается сват-колдун (*rat'vaska*), если родственники не знатоки этого дела. Затем жених с родственниками и с отцом направляется сватать. Перед отправлением жених кланяется в ноги отцу и матери, прося благословения. Если жених не из той деревни, где живет невеста, то прямо в дом невесты не идут, а прежде останавливаются у соседа, закусывают и, говоря о цели приезда, спрашивают, не знают ли невест, а между тем распрашивают о той девушке, свататься к которой они намерены. После чаю идут в дом невесты.

Подходя к дому невесты, „патьвашка“ стреляет в воздух, объявляя этим самым о прибытии сватов. Выстрел повторяется и при уходе. Входят в дом и останавливаются под жердью (*ovioren alla*), идущей от печки к боковой стене, находящейся перед дверями.

Здороваются обычным *terveh tänne* (здравствуйте), объявляют о цели прихода в следующей трафаретной форме: *ennen kävittää tuiña vierahina, nyt tulimma suurina vierahina*.

(Раньше ходили простыми гостями, а теперь пришли большими гостями. У нас есть парень (имярек), которого нужно женить, у вас есть девушка (имярек), которую нужно отдать замуж. Не поженить ли их нам, раз начало идет от Адама и Евы.) Отец или мать невесты им отвечают, что это дело людское (*rahvahan asietä*). С этого начинается обычный разговор между сторонами жениха и невесты, при чем со стороны жениха разговор ведет патьвшка-сват и шуаяниайн¹ сваха, а со стороны невесты отец или мать. Родители жениха говорят о достоинствах его и об его богатстве; родители невесты ссылаются на молодость ея и говорят, что от нее будет зависеть выйти замуж или нет. Потом сваха уводит невесту на улицу или в другую комнату, где уговаривает ее дать согласие. Невеста дает утвердительный или отрицательный ответ или же отговаривается тем, что она предварительно должна посоветоваться с родственниками.

В том случае, если мнение невесты и ее родителей склоняется в пользу брака, созывается семейный совет со всеми родственниками. Если же брак нежелателен, то на совет приглашают лишь ближайших родственников. На семейном совете высказываются за и против, разбирают, что называется, по косточкам жениха: его достоинства, недостатки, имущественное положение и т. д. Спрашивают мнение невесты, а в некоторых случаях приглашают и жениха, спрашивая у него, по собственному ли желанию он женится или по приказаниям других. Во время семейного совета зажигается свечка перед образами. В случае отказа (*aparat*) невеста гасит свечку, а в случае согласия свечка продолжает гореть.

По окончании семейного совета, при согласии невесты, последняя с женихом идет на улицу, где они разговаривают и обмениваются скрытыми залогами (*salakihlat*). Жених дает кольцо, а невеста шелковый платок или платье. Затем невеста кланяется в ноги своим родителям, братьям, сестрам и родственникам, говоря при этом отцу, что раз сумел он выкормить, так пусть сумеет и отдать. Этот обряд имеет место и в случае отказа, с той лишь разницей, что невеста говорит: „умел кормить до сих пор, корми и дальше“.

Отказ невесты нередкое явление, хотя невеста заранее и

¹ „Шуаяниайн“ буквально означает достающая женщина; ее роль выполняет сестра или крестная мать жениха.

Фот. Л. Л. Капица. 1927 г.

Рис. 1. Привораживание парня к девушке на перекрестке трех дорог (Lemmennost). Дер. Бабья Губа Кондокского района.

Фот. Л. Л. Капица. 1927 г.

Рис. 2. Невеста с плачечей и подругами ходит по деревне, собирая свадебные подарки. Дер. Каменное Озеро Вокнаволоцкого района.

даст согласие жениху. Чем больше девушку сватают, тем почетнее это для нее. Жених после неудачного сватовства подвергается публичному осмеянию. В деревне его стремятся облить холодной водой, оскорбляют и т. д. Этим, повидимому, и объясняется, что сваты в случае отказа уходят из дома невесты с большим шумом и угрозами, бьют каблуками пол и пороги, говоря: *tulko h tytöstänä isän penkin istuja, lautshan pän lahottaja* (пусть ваша дочь сидит на отцовской скамейке и сгноит ее, иначе говоря, пусть остается старой девой). Чтобы девушка не потеряла своей девичьей привлекательности, она должна встать на потолок сеней и стоять там над головами сватов до тех пор пока они не пройдут сеней. Так, однако, бывает не всегда.

При согласии невесты устраивается рукобитие. Патьвашка, держа в руке полу кафтана, бьет по рукам с отцом невесты, ведя следующий разговор: посторонние спрашивают: „что делаете“ (*mitä ruatta*), те отвечают: „сделку совершаем“ (*kauppoa luajimma*). Кто расторгнет эту сделку, тот заплатит 100 руб. деньгами, 1000 пучков листьев, 10 возов сена и т. д. Руки разнимает посторонний человек (табл. II).

После рукобития начинается угощение сватов, и одновременно с этим невеста, с приглашенной плачей, обращается к отцу и матери с плачем и душу раздирающим жалобным воем, называя отца самыми нежными эпитетами и упрекая его, что:

*Onnakko kajon nuorukkaisie kananimisyöni
Kannetuilla kauppoalet kaupneheksi ikäseksemi,
Omista kaupnehuksistas kajon puolentelet...
Kun kannettujen kera yksissä elostelet.¹*

(Наверно, очень молоденькое куриное имячко мое носимым продаешь на всю мою красивую жизнь, со своих доброт убавляешь... раз с носимыми вместе разговариваешь.)

Матери она говорит:

*Onnakko en kantajaiseni, voinut tiän kaihoja mielialasi myöten
Kajon avotyöhysie kajon asetella,
Kun omista kaupnehuksistana kajon puolenteletta,
Kajon odjerettomaksi.*

¹ Язык заплачек образный, насыщенный эпитетами и труднопереводимый. Поэтому мы перевод дали лишь по смыслу. Стих определенно установленного размера не имеет, хотя и чувствуется своеобразный ритм.

(Наверно, моя носительница, не могла я по твоему желанию работы справлять, раз со своих доброт убавляете на веки.)

Когда угощение кончено, стороны договариваются о дне свадьбы, которая обычно справляется в воскресенье. При уходе сватов патьашка говорит, что остаются рукавицы, за которыми они придут в воскресенье.

Нужно отметить, что как только раздается выстрел, сигнализирующий о прибытии сватов, молодежь, а отчасти и старые собираются в дом невесты, где они танцуют и резвятся до поздней ночи.

Период между сватовством и свадьбой. Период между сватовством и свадьбой может продолжаться несколько дней, неделю, а иногда и больше, в зависимости от состояния жениха. В этот период невеста с плачей и с подругами (*kakrapokot*) с распухшими и заплаканными глазами ходит по деревне, посещая своих родственников и близких, и плачет (*iänellä itköy*), собирая от них подарки. Кто дает сорочку, кто платок, кто денег и т. д.

Манера „плакать“ своеобразная: невеста, держа платок на глазах, наклоняется к человеку, пред которым она „плачет“, и обнимая его одной рукой, рыдает или воет в зависимости от того, к близкому или чужому человеку она обращается; плачая стоит рядом с ней с рукой, положенной на ее плечо, и надрывающимся голосом произносит слова заплачек.

У крыльца дома встречает невесту хозяйка дома, где происходит общий плач. И так продолжается в течении целой недели, при чем с плачем обращаются не только к родным и односельчанам, но и совершенно чужим людям, где бы их ни встретили, в избе, на улице или на вечеринке.

Содержание заплачек разнообразное. Почти к каждому человеку подходят особо. Опытная плачая для каждого находит и сочиняет нужные слова. Когда обращаются к соседу, то его хвалят за хорошее отношение к невесте и просят, чтобы и в дальнейшем оно не изменилось. К незнакомому человеку подходят издалека, стараясь расположить его к себе, чтобы он дал свадебный подарок (*hiälähjoa*).

При обращении к родственникам разыгрывается настоящая драма; если родственник женщина, то она плачет в ответ, так что скорбь с рыданиями разливается по всей деревне. Тут они

оплакиваю разлуку и дают обещания друг другу быть хорошиими.

Любопытно отметить, что плачая без невесты и человека, к которому обращаются, зачастую не может рассказать содержание заплачек. Только при свадебной обстановке она находит нужные образы и слова. Так, одна плакальщица никак не могла рассказать мне содержания их до тех пор, пока я не предложил ей плакать мне, незнакомому человеку. Приведу для примера несколько строк:

Passibo olovilta käsiästukksiltas...
Orhie spuassuni silma ositelkoh
Omie onehies mielialojas myöten,
Hos min oimullisilla, oimun asioilla,
Oimun kualellet...
Dai hos kynäkäisenä kynän kualellet,
Nün kyllässpuassuni silma ositelkoh.

(Спасибо за подарок..., пусть спаситель дает тебе по твоему желанию счастье, хоть по каким твоим делам ходишь..., или с пером в руке шагаешь, так пусть спаситель тебя осчастливит.)

В субботу накануне свадьбы подруги топят баню, где они моют невесту, чтобы *jattei vualimissa vaivaloin sanojen keralla alettais vallan silmitellä* (... в доме жениха не начали обидными словами ругать и смотреть). Вообще, отправка в баню, мытье и возвращение сопровождается безконечными заплачками. На обратном пути из бани плачая от имени невесты жалуется на усталость и просит брата запречь лошадь и свести ее. Лошади не подают, но брат приносит стул, который передвигается с места на место и на который невеста присаживается, плача и жалуясь на голод, для утоления чего подается поднос с кренделями. В избе невеста со слезами просит у брата принести воды в рукомойник, полотенце, зажечь свечку и т. д. Брат все это исполняет.

Перед свадьбой, в субботу вечером жених, патьвашка, шуаяниайни и брат жениха ходят дарить подарки невесте и ее родне. Подарки обычно следующие: невесте — зеркало, гребенка, сорочка или повойник, родственникам — рубашки, теще — сарафан.

По прибытии жениха, невеста с плачей и с отцом идут в женский угол, где жених с патьвашкой кланяясь предлагают

подарки невесте. Она не берет, ибо боится, что *olkapäistä suati olkakätyseni onnahotelou odjerettomaksi* (руки, начиная с плеч, могут совершенно опуститься).

Этот обряд продолжается довольно долго, пока, наконец, невеста не попросит своего отца взять подарки, что тот и делает.

На этом и кончаются обряды между сватовством и свадьбой.

Ход свадьбы. Смотрины — *katshotus*. Свадебный поезд состоит из тех же лиц, что и при сватовстве. Являются они в дом невесты летом на лодке, а зимой на лошади. Бывают обоюдные выстрелы. Заходя в дом, они справляются о рукавицах и, получив утвердительный ответ, садятся, как и при сватовстве, в большой (красный) угол.

Затем после разговоров начинаются смотрины — самый торжественный момент свадьбы. Тут производятся публичные смотрины невесты. Невеста одевается в лучшее платье. По этому поводу сложилась даже поговорка: *et ole katshotuksella tännössä* (не на смотрины идешь), когда хотят указать девушке, что она слишком наряжается.

Состоит этот обряд в том, что невеста с крестной матерью и сестрой находятся в женском углу (*naisjen tshuppi*), отделенном занавеской от другой половины избы. У занавески стоит повивальная бабка (*riapro*) невесты и подруги. Бабка и девушки требуют денег от входящих туда жениха и патьашки. Последний дает 1—3 коп. девушкам и 10 коп. бабке. Занавеска открывается, и они входят. Крестная мать и сестра держат невесту за косу и также требуют белую (серебряную) монету. Крестной матери дается гриненник.

Жених и невеста встают друг против друга, обмениваются подарками: жених дает сарафан, а невеста рубашку. Жених три раза машет рубашкой и кладет за пояс (табл. III).

Во время обряда приготавляется кушанье, накрываются столы и садятся кушать.

Затем собирается опять семейный совет, на котором окончательно решается вопрос о выдаче девушки замуж.

Прием головных денег (*piärahan otto*). Когда на семейном совете вопрос о свадьбе решен положительно, тогда начинается прием „головных“ денег. Если у жениха нет своих денег, то он занимает их у других. Патьашка кладет деньги на

стол (от 30—100 руб., в зависимости от состоятельности жениха), а сидящие кругом стола родственники невесты по очереди берут их себе, при чем каждый отсчитывает себе 1—10 коп., остальные передают жениху. Лишь отец невесты оставляет для себя 3 руб. и 10 коп. в часовню. В то же время патьвашка вынимает бутылку водки и угождает присутствующих, а невеста стоя кланяется. В это время поются свадебные песни под руководством плачей.

Угощение повторяется, но с соблюдением известных обрядов. На стол постилается скатерть, на нее ставят два ржаных хлеба — один дает невеста, другой жених. С верхней стороны хлебов патьвашка вырезывает кусок хлеба конической формы, в отверстие посыпает немного соли и кладет кусок обратно. Хлебы перевязываются на крест лентой и обертываются полотенцем. Эти хлебы целый день находятся на конце стола.

Молодежь танцует целый день. Невесту подруги с плачем приглашают танцевать, и она танцует.

Следующим обрядом является так называемый обряд оберегания (*varotus*), которое имеет целью предохранить новобрачных от „порчи“, от посягательств злых людей и нечистой силы; происходит он в клети. Жених и невеста встают друг против друга, жених держит на сковородке правую ногу, а невеста — левую. Сковородка должна быть теплой, чтобы молодые горячее любили друг друга. Патьвашка обходит с косой вокруг них два раза по солнцу и один раз против солнца и, делая косой крестообразные движения в воздухе,¹ причитает:

*Rautasen aifan rakennan²
Muasta suati taivahah,
Taivahasta muaha suati;
Tsihsiliskoilla sitelen
Kiärmehillä kiäntelen
Syömäh kylän kiroja
Kylän noita nokkimah.*

¹ Когда делается крестообразное движение косой в воздухе, то этим хотят предохранить невесту от того, чтобы не было во время беременности порчи непосредственно из воздуха.

² Вариант этого заговора мы находим в Калевале, руна 44.

(Стену железную построю
с земли я до небес,
с небес до земли;
ящерицами свяжу я,
змеями обмотаю
 зло деревни глотать,
 брань деревни клевать.)

Помимо того, для предохранения новобрачных от всяких „напастей“, во время свадьбы и после нее, приготавляются специальные предохранительные средства (*varat*).

В Бабьей-губе *varat* приготавляются из камешков. Делаются они таким образом: бьют по большой отвесной скале в трех местах и берут по три куска осколков, на место которых кладутся старые серебряные монеты. При этом ничего не говорят, но думают, что берутся эти камешки для предохранения от напастей жениха и невесты. Тут же должен присутствовать посторонний человек. Когда камешки взяты, нужно идти, не оглядываясь назад. Камешки эти завязываются в узелки, и эти узелки прикрепляются в день свадьбы к поясу жениха и невесты и носятся ими нечетное количество дней, от 3 до 9.

Самым сильным предохраняющим средством в день свадьбы колдун Богданов считает огонь, зажженный от кусочка (*elävän riupin taula*) березового трута. Жених и невеста должны сделать вид, что глотают этот трут, поднося его ко рту.

Невеста, выходя из чулана, „плачут“ матери, жалуясь, почему ее окружили железной стеной и отправляют из родного дома.

По возвращении из клети и после плача начинается одаривание родни жениха.

Одаривание родни жениха. Подарки кладутся на кончик кнута пятьюшаки, с указанием кому что предназначается. Они даются всем близким родственникам жениха и состоят из рубашек, кальсон, платков и т. д. Невеста плачет, стоя с плачей у конца стола:

*Mintäh orhien armoseni olentasijaisissa
Ollah ouvot vierahaiset,
Mintäh leppiearmoseni
Leipästolien tua lemnen luajitellah lehvomie?
Onnakko kuulwarmoseni kuklanimisyöni
Kuin kuuvutellah kuvoamilla voroin...*

(Почему в доме отца находятся необыкновенные гости. Почему за столом отца ухаживают за гостями. Наверно, меня приготовляют для жениха.)

Невеста плачет, обращаясь ко всей родне. У отца просит приданого: коров, телят, овец, одежды и т. д. Потом испрашивает у него прощения в следующих словах:

*Anna kyselen kqllä armoseltani
Kymmenien kynsinivelien
Kyllä proskenieset
Kylvettamih varoin.*

(Дайте, попрошу прощения, от любимого отца прощение.)

Затем мать причитая обучает невесту, как она должна вести себя в доме жениха: быть послушной, стлать постель, снимать сапоги у свекра и т. д.

Плачая и невеста еще раз обращаются с плачем и причитаниями к родственникам поезжанам, прося последних: *omih oppiloih opastelemah* (обучить невесту своим порядкам), когда она придет к ним в дом. При этом невеста кланяется им в ноги; поезжане дают в подарок деньги.

Затем невеста в сопровождении плачей и своих подруг выходит на улицу, где происходит обряд, так называемый поклон на шубе (*turkilla kumarrus*).

Поклон на шубе (*turkilla kumarrus*). Брат невесты подстилает под ноги невесте шубу. Невеста, встав на нее, кланяется на все четыре стороны вместе с плачей, приговаривая:

*Ihalan armoseni, ilmapihaset,
Prostikkoa inhuovarruttani;
Toisinah olen inhojen siämileni vallassa,
Tai inhojen sanojeni kera,
Olen innon elossellun...*

(Простите улицы любимого отца, может я сердитая с плохими словами по ним хаживала.)

Затем она с подругами идет на улицу погулять и поребячиться (*lapsestelou*) *luavun vümeset kertazet luatu armoseni lastupihazilla...* (Последний раз на отцовской улице с щепками), как плачая говорит, идя рядом с ней.

Перед входом в избу она с плачем просит отца последний раз открыть ей дверь. Отец два раза открывает дверь и после

третьего раза невеста входит в избу. В избе невесту приглашают танцевать. Она танцует и благодарит девушки за приглашение. В избе она снимает ленточку (*otshipaikka*)¹ и ходит с ней по избе в сопровождении плачей, при этом, плача и причитая, она пробует положить её то на вешалку, то на полку, то в печку и т. д., но куда ни положит, кажется, все жаль ее оставить (ленточка — признак девичества). Наконец, она передает ленточку *kaunisarmoseh kantajaiseh lapsella*, т.-е., своей сестре.

Расплетание косы. Невеста, с плачем просит *su-renluiset sukaset, kalanluiset piäkampaset* (гребенку), которой *kananitmysen kanalielmyzie kannettuih varoin kampaltais* (… чесали бы волосы невесты для родни жениховой). Коса расплетается при участии всех родственников, хотя главную роль тут играют крестная мать и плачая. При чесании головы в Каменном Озере патьяшка берет три раза с гребенки волосы и кладет их в карман. В Бабье-губе три раза патьяшка дерет за волосы невесту, говоря: *pie mieli piässas, ta kuuntele miestäs* (держи ум в голове и будь послушной своему мужу).

Затем ходят три раза вокруг сундука, на котором сидит невеста при расплетании косы. Плачая три раза ударяет ногой сундук, говоря: *rahat näätä on issunta paikat* (плохие эти места для сидения). Ходьба повторяется, при чем два раза невеста сама садится на сундук, а на третий раз невесту садят, только после того, как патьяшка своим кнутом ударит крестообразно по поверхности сундука. При этом патьяшка должен быть в возбужденном состоянии.

Одевание. Одевают невесту при участии патьяшки и родственников, предварительно умыв ее лицо. Одежда состоит из шелкового сарафана, платка и парчевой сороки. При надевании сороки (*piän ralo*) три девушки склоняются у ног невесты и стоят до того момента, когда станут надевать сороку. Когда одевание окончено, невеста под покрывалом идет до дома жениха, если она из одной деревни с ним.

Во время одевания, женщины поют свадебные песни, требуя за это денег: *koreikka koko sanalta, penni kielen kiäntimelta*

¹ Ленточка обычно делается из красной материи или шелка, ею перевязываются волосы вокруг головы.

Фот. А. А. Капица, 1927 г.

Рис. 1. Рукобитие. Дер. Каменное Озеро Вокнаволоцкого района.

Фот. А. А. Капица, 1927 г.

Рис. 2. Поклоны невесты отцу и матери. Дер. Каменное Озеро Вокнаволоцкого района.

щие в это время кричат: *kaunis morsien* (красивая невеста). Начинается угощение. Невеста в это время сидит, но при подавании новых блюд и при подходе нового гостя она встает и кланяется. После угощения все родственники жениха и невесты поздравляют новобрачных и затем уезжают.

Перед тем как молодым идти на подклеть, родители жениха садятся на лавку и прячут ноги; молодые должны их найти и обнять. Патьвашка ведет молодых спать, а кто-нибудь из гостей старается перед приходом молодых занять их постель и уступает им ее только за деньги. Патьвашка оправляет постель и сует в ботинку жениха монету.

Невеста раздевает жениха, при чем кланяется при растегивании у него каждой пуговицы, снимает сапоги и вытряхивает оттуда деньги, которые становятся ее собственностью. Когда жених ложится, то невеста подходит к нему и три раза кланяется; он берет ее за руку и укладывает на постель. Невеста ложится спать во всем одеянии.

Патьвашка предварительно должен произвести осмотр постели и узнать, нет ли там какой-нибудь „порчи“ (*rikkeitä*). Там может быть *kalma*, земля взятая с кладбища, от которой может случиться даже смерть, фигурка девушки, кусочек материи и т. д. Их нужно убрать, положить на большой неподвижный камень и сжечь, говоря: *Mistä tulittaa, sinnei tänköä* (откуда пришли, туда и идите).

Утром на другой день новобрачных будет патьвашка, а затем мать жениха.

В течении трех дней после свадьбы теща посыпает блины зятю, за которые последний дарит деньги.

Венчание не играет в свадьбе особой роли. Оно может состояться через неделю или через год и даже через несколько лет. Но обычно венчаются сразу после свадьбы. Во время венчания присутствует крестный отец жениха и крестная мать невесты.

То, что венчание в настоящее время не играет почти никакой роли в свадьбе, объясняется тем, что священник за венчание требовал раньше от 5 до 25 руб. деньгами или корову. Разумеется, многие такой большой суммы в связи с свадебными расходами платить не могли. Помню, когда я был еще подростком, один молодожен три раза торговался с священником

и, не имея возможности платить за венчание, так и не стал венчаться.

Первое время в доме жениха. В течении нескольких дней молодой дается легкая работа. Перед каждой работой она должна кланяться в ноги свекрови и спрашивать, что ей делать. Это продолжается в течение нескольких недель. Инха (*Kalevalan laulutaita*) говорит, что в Ювалакше молодая кланяется даже посторонним при встречах на улице.

Разумеется, что положение невесты на первых порах до раздела двора несладкое. Она должна угодить всем: и матери, и отцу, и братьям, и сестрам жениха.

Недаром все свадебные заплачки проникнуты такой глубокой скорбью по расставанию с отцовским домом, и вся свадьба, с обрядами (ходьба по домам, в баню, рукобитие, расплетание косы и т. д.), с непрекращающимся плачем и воем, является для невесты трагическим олицетворением скорби, печали и тоски по родному отцовскому дому, хотя и там не сладко жилось. Говоря кратко: положение невесты в доме жениха — положение рабыни, как и называют ее в старых свадебных песнях (см. Калевала, руны 20—21).

Спустя неделю после свадьбы жених и невеста ходят за приданым. Приданое обычно состоит из коровы, овцы, одежды и т. д.

Роль патьвашки. Если бы свадьбу можно было сравнить с кораблем, то патьвашка являлся бы, несомненно, его капитаном. На его ответственности лежит руководство всеми свадебными обрядами и процедурами. Он должен предохранять брачующихся от посягательства злых людей и духов. Патьвашка выполняет функции свата, дружки и колдуна. Опытных патьвашек мало. Поэтому они пользуются всеобщим уважением.

Про былых патьвашек имеются самые невероятные рассказы. Раньше патьвашки, по слухам, могли творить чудеса: насыпать друг на друга болезнь, останавливать лошадей сватов и поезжан у ворот, „портить“ (*rikkuo*) невесту или жениха и т. д., что известно и по записям русской свадьбы.

Необходимыми принадлежностями патьвашки являются кнут и упомянутые предохранительные средства (*varat*), состоящие в различных местах из различных предметов.

Новая свадьба. Описанная свадьба в последний раз со всеми обрядами проводилась в Каменном Озере в 1923 г. В 1925 г. проводили ее уже со значительными сокращениями.

Сватовство и свадьба происходили в один и тот же день, причем сватовство ограничилось рукобитием без гашения свечей, а свадьба ограничилась смотринами. Новых обрядов никаких еще не выявлялось.

Вообще же, за последние годы свадьбы в большинстве случаев, по рассказам в Каменном Озере и в других деревнях, проходят без обрядов. Парень с девушкой сговариваются на вечерке и оттуда прямо идут домой. К сожалению, по этому вопросу нет никаких записей из других деревень, за исключением одного случая, записанного в Вокнаволоке практиканкой Экспедиции Ю. П. Аверкиевой, со слов Борисова. Там сваты пришли и сосватали прислугу Борисова, при чем девушка кланялась в ноги Борисову, прося благословения, на что тот сказал, что не имеет возражений. Сваты попили чаю и ушли с девушкой. На том свадьба и кончилась.

Для характеристики новой свадьбы приведу еще два примера. В Вокнаволоке однажды приходят ко мне знакомые с просьбой принять участие в сватовстве. Едем вчетвером сватать. По дороге я спрашиваю у парней-моих спутников, каким образом должно быть проведено сватовство. Они отвечают: мы думаем сегодня же взять невесту и тем кончить дело; что касается обрядов, то это твое дело, мы никаких старых обрядов не признаем...

Приехав, мы вошли в дом, сели, поговорили с девушкой и с ее матерью (родни не вызывали) и получили *aparat* (отказ). Девушка оказалась слишком молодой (16 лет), а жених был стар (30 лет).

На обратном пути парни сговорились, что пойдут сватать все по очереди в ту же ночь, при чем я должен быть у них патьвашкой.

Мне было неудобно отказываться, и я согласился. Но потом выяснилось, что они просто хотели мстить девушке, от которой один из них ранее получил отказ. Мстение было придумано таким образом, что, в случае согласия девушки, жених откажется от нее. Узнав это, я отказался участвовать, и сватовство растроилось. Но в связи с этим выясни-

лось, что группа молодежи еще в 1926 г. ездила сватать по различным домам, и когда девушка и ее родители давали согласие на брак, молодежь вела себя таким образом, что свадьбы расстраивались.

В этом есть известная доля хулиганства, но с другой стороны дело объясняется тем, что девушки очень часто приглашают парней сватать и не выходят, почему поведение парней можно рассматривать, как меру противодействия с их стороны обману девушек. Записываться в Загс ходят до и после фактического заключения брачного союза.

Каменнозерская свадьба является типичной для всего Ухтинского района.

Сравнивая эту свадьбу по данным записей Ю. П. Аверкиевой со свадьбами в деревнях Юшкозеро, Ухта, Бабья-губа, Вокнаволок, можно видеть, что они происходят почти во всем Ухтинском районе одинаково; за редкими исключениями, все свадьбы сопровождаются сходными обрядами, при чем большинство из них следуют друг за другом почти в такой же последовательности, как и в Каменном Озере. Чтобы это было более ясным, сравним между собой отдельные обряды свадьбы и сватовства в указанных деревнях.

К сожалению, записей о добрачных отношениях парней и девушек из других деревень нет, за исключением упоминания Ю. П. Аверкиевой о том, что знакомство происходит на вечерках или на улице. Но на основании личных наблюдений в ряде деревень в дореволюционное и послереволюционное время могу утверждать, что добрачные отношения в Ухте, Юшкозере, Вокнаволоке и в Бабье-губе существуют такие же, как и в Каменном Озере.

Сватовство одинаково во всех подвергнутых изучению деревнях за следующими исключениями: „руку бьют“ в Ухте, Бабье-губе, Поньга-губе, в Вокнаволоке отцы жениха и невесты, а в Каменном Озере — отец невесты и патьвашка. В Юшкозере сваты по приходе делают предложение и уходят с тем, чтобы через час прийти узнать результаты. Кроме того, при согласии невесты она сама зажигает свечку. Там же сразу после сватовства родня невесты ходит смотреть „житъе-бытье“ жениха до свадьбы, где их угожают и дают денег „на ходу“. Денег берут от 5 до 50 коп.

В Ухте свечка зажигается не во время семейного совета, а после него. Зажигает свечку отец или брат невесты.

Период между сватовством и свадьбой не отличается в указанных деревнях. Везде плач, ходьба в баню и по деревне, одаривание и т. д. Разница лишь в том, что в Ухте ходят одаривать один жених.

Ход свадьбы везде сходен между собой. Смотрины имеют место везде, нет указаний лишь из Юшковера, а обряд оберегания (*varolus*) является принадлежностью каждой свадьбы. Расплетание косы в Ухте и в Вокнаволоке происходит дня через два после сватовства, в Поньга-губе после рукобития, а в Каменном Озере в день свадьбы.

Прием „головных денег“, одаривание родни жениха, поклоны на шубе и т. д. сходны между собой и являются неотъемлемой частью каждой свадьбы данного района. К сожалению, нет сведений об Юшкозере.

Наибольшее сходство имеется между ухтинской и вокнаволоцкой свадьбами. Больше всего отличается от других юшковерская свадьба.

Об эволюции свадьбы. Выше мы указывали о записях свадьбы, сделанных Дьячковым в 1865 г., П. С. Ефименко в 1876 г., Инхой, Карьялайненом и Оленевым в 90-х гг. прошлого столетия. Эти записи дают возможность установить, что свадебные обряды в этом районе Карелии в основном держались до 1923 г. чрезвычайно устойчиво, несмотря на революционные (1917—23) годы; но потом началась коренная ломка старых обрядов вплоть до уничтожения их.

Впрочем, и до 1923 г. свадебные обряды, имевшие ранее, несомненно, внутренний смысл, утратили свое значение. Выполнялись они лишь по традиции, по старине. Так, мол, раньше делали, так и мы делаем. Поэтому, выяснить их значение в Каменном Озере не удалось.

Как мы установили выше, новая свадьба представляет простое заключение брачного союза, без каких бы то ни было формальностей.

Такую революцию в быту можно объяснить усилением культурной работы, проводимой более культурными финнами и карелами, стоящими во главе советских общественных и культурно-просветительных организаций. Немаловажную роль в этом

отношении сыграло, очевидно, пребывание в Финляндии (1920—22) почти всего мужского и женского населения этого района, где оно могло научиться свободному отношению к старым формам брака.

В других районах Карелии, в Паданах и в Олонце, в послереволюционные годы приходилось наблюдать новые формы брака нередко в сочетании их со старыми, но в Ухтинском районе этого не наблюдалось. Вымирание старых обрядов там не сопровождается созданием новых.

Не вдаваясь в анализ того, когда и какие обряды заимствованы карелами от их соседей, мы хотим указать на наличие общих черт в свадебных обрядах карел и окружающих их народностей.

Тут, прежде всего, необходимо отметить наличие общих свадебных обрядов как в олонецкой,¹ так и в ухтинской свадьбах: там и здесь обряды смотрин, ходьбы в баню и по деревне, привораживание парней к девушкам, обряд оберегания, семейные советы и т. д. имеют место. Имеются, конечно, и различия, на которых здесь останавливаться не будем. В целом олонецкая свадьба приближается к русской. Без сомнения, много общего между карельской свадьбой и северной великорусской свадьбой.²

Такие обряды, как ходьба в баню, смотрины, рукобитие и ряд других, различно варьируясь в отдельных местах, имеют в своей основе, повидимому, одинаковый смысл. Любопытно отметить, что в юшкозерской свадьбе, как и в некоторых великорусских свадьбах бывают не только смотрины невесты, но и смотрины дома жениха, да и вообще юшкозерская свадьба ближе к русской, чем свадьба в пограничных с Финляндией деревнях. Этот маленький факт говорит о том, что изучение карельской свадьбы должно идти по линии установления промежуточных обрядовых вариантов между типичной карельской

¹ См. „Karjalan kirja“ статью Inha. Ahtia Karjalaisista kansantavoista и Лесков. Карельская свадьба, Жив. Стар., IV, № 3—4.

² Ср. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Ленинград, 1926 г., вып. I.

и русской свадьбами. И только тогда может быть решен вопрос о заимствовании карелами от русских тех или иных обрядов; последнее, конечно, является вполне возможным. Более того, сравнивая этот материал с русскими материалами, можно подумать, что вся карельская свадьба является упрощенным видоизменением русской свадьбы, но тут стоит вопрос о самобытности карельских свадебных песен, заплачек, причитаний и т. д., вопрос, который до сих пор удовлетворительно не решен.

Эта мысль казалось бы подтверждается еще и тем, что карельская свадьба имеет чрезвычайно мало общего с современной финской свадьбой. Из описания финской свадьбы, приведенного в приходах, граничащих с Ухтинской Карелией, С. Паулахарью¹ в годы минувшего десятилетия, видно, что самые свадебные обряды имеют мало общего с карельскими, но добрачные отношения молодежи, как, например, привораживание парней к девушкам и установление знакомства, имеют место и в пограничной финской свадьбе.

Хотя эти современные данные и говорят об отсутствии общности, но все же встает вопрос о сравнительном изучении старых свадебных обрядов всех финских народностей, чтобы выявить черты прафинской свадьбы, после чего легче установить чужие влияния и насложения.

Самое беглое сравнение описанного типа свадьбы со свадьбой русской говорит о наличии очень многих общих обрядов, присущих им одинаково, в связи с чем встает вопрос о русском влиянии, тем более, что современная финская свадьба не сходна с карельской.

Свадебные песни. В приложении мы даем несколько свадебных песен. Они являются отрывочными вариантами рун 19—24, напечатанных в Калевале. Там эти руны более полны. Кроме того, порядок отдельных стихов и строф в Калевале совершенно иной, чем в приведенных здесь песнях. Объясняется это тем, что Ленрот, по собственному признанию, располагал материал по своему, к тому же общий процесс вымирания рун сказался и на свадебных песнях.

¹ S. Paulaharju. Kainuun mailta, Tietosanakirja Osakeyhtiön kirpapaino, Helsinki, 1922, siv. 198—209.

Фот. А. А. Капица. 1927 г.

Рис. 1. Взаимное одаривание жениха и невесты. Дер. Каменное Озеро Вокнаволоцкого района.

Фот. А. А. Капица. 1927 г.

Рис. 2. Патывашка сажает невесту на сундук с приданым. Дер. Каменное Озеро Вокнаволоцкого района.

В заключение, хотелось бы сказать, что мы отнюдь не претендуем на полноту описания свадебного ритуала всей Ухтинской Карелии. Но все же полагаем, что наше описание свадьбы является наиболее полным, охватывающим свадебные обряды данного района и выявляющим ряд новых фактов, по сравнению с известными в печати.

HIÄLAULUJA.

I.

*Lenti kokko koilta ilmoin
Koilta ilmoin, alta taivoin;
Süpi taiwoo sivelii,
Koprat merta kuopaeli.
Liittelekse, luattelekse*

*Liitti kokko linnanluulla
Seinällä, zelenasulka,
Satasulka salvoksella.
Katselekse, kiäntelekse,*

*Katso parvesta parahan,
Tukkapäistä turpehimman,
Kassapäistä kaunehimman,
Sormuskäisistä somimman;
Jonka kokko kopristaapi.
Havulintu huopuaapi.*

*„Mistä tiesit, teltamoini,
Kuulit kultani omena,
Täman neijen syntyväksi,
Syntyväksi, kasvavaksi,*

*Ilmoilla yleneväksi“.
Noki nousi nuorasesta,*

*Savu paksusti pakeni
Neijen kuulusan kojista,*

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ.

I.

Летел орел с северо-востока,
С северо-востока из-под небес;
Крыло неба касалось,
Когти море ковыряли.

Присаживается, приостанавливается.

Присел орел на своде крепости,
На стене, зеленоперый,
Стоперый на постройке.

Присматривается, поворачивается,

Высмотрел из стаи лучшую,
Из голов, с волосами гуще,
Из голов, с косами красивее,
Из рук, перстнями миловиднее;
Ее орел и прижимает,
Птица хвойная хватает.

„Откуда узнал, телтамойни¹,
Услышал ты золотое яблоко,
О рождении этой девицы,
О рождении и о том, что она
растет,

О появлении на свет“.

Сажа поднималась из веревочки,

Дым густо убегал
Из дома славной девицы.

¹ Телтамойни синоним жениха.

*Siitü tiesi teltamoini,
Kuuli kultani omena.
Aivoiin ammo aika suopo,
Aika vihkon antajaista,
Palasen parahtajaista.
Luatikkamas pieni pirtti,*

*Piilopirtti pikkarain,
Pahalla pajupuolla,
Pikkaraiset ikkunaiset,
Missä neittä piilotella
Kanavartta kasvatella.
Ei neittä hyvä salata,
Hivuspitka piilotella;
Huoneis on hyvä salata,
Suorajouhi suojaella.
„Enpa mie rahatta laula,
Kielta pieksä pennilöittä;
Laulajan laki kuluo
Rahatointa laulamista,
Kullatointa kukkumista.
Enpä mie äijöä tahtois,
Enkä välttäis vähättä;
Kopeikka koko sanalta,
Penni kielenkiäntämeltä,
Siiänä on virsi kuullaksena,
Toitsi piähä pannaksena.
Oisko viinoa pikari,
Eli kaksi kaljavettä,
Laulasin enämmän vielä.“*

II.

*Mitä issut, isännän poika,
Velles vanhin valvattelet?*

Потому узнал телтамойни,
Услышал он яблоко златое!
Рано мычала большая Суопо,¹
О дающей большую охапку
(сена),
Кусочек подающей.
Построим-ка маленькую
избушку,

Маленькую избушку, где бы
спрятаться,
На плохом ивовом ручье,
С маленькими окошечками,
Где бы девицу попрятать,
Куриную талию вырастить.

Не хорошо девицу прятать,
Длинны волосы для скрывания;
В комнатах хорошо скрывать,
Прямоволосую охранять.

„Я без денег не пою,
Язык не треплю без пенни;
Поющего нёбо изнашивается
От безденежного пения,
От кукования без золота.

Я не много бы просила,
Но не обойтись мне без малого;
Копейку за полное слово,
Пенни за поворот языка.

Тут вам песня для слушания,
Для наматывания на ус.

Была бы рюмка водки,
Или две рюмки пива,
Спела бы больше.“

II.

Что сидишь ты, сын хозяина,
Из братьев старший бодр-
ствуешь?

¹ Суопо кличка коровы.

*Issutko ison hyvyyttä,
Vain emännän armahutta,
Vaiko pirtin puhtautta,
Vaiko sintsin siivohutta,
Valjonpäijen valkeutta?..*

Et issu ison hyvyyttä,

*Et emannan armahutta,
Etka pirtin puhtautta,
Etka sintsin siivohutta,
Vajonpäijen valkeutta.*

Issut impyuön hyvyyttä,

Kanavarren kaunehutta.

*Sulho viljon veijuvoni,
Vuotit viikon, vuota viela:
Ei ole valmis valvattisi,*

Valmis valvateltavasi.

Suorinna ikisopusi.

*Panes piätä palmikolla,
Sivos silkilla hivusta.*

*Sulho viljon veijuvoni,
Vuotit viikon, vuota viela:
Puoli on piätä palmikoitu,
Toini on palmikoitavana.*

*Sulho viljon veijuvoni,
Vuotit viikon, vuota viela:
Yksi on jalka kengitetty,
Toini on kengiteltävävä.*

*Sulho viljon veijuvoni,
Vuotit viikon, vuota viela:
Yksi on käsi kinnassetti,
Toini on kinnassettavana.*

*Sulho viljon veijuvoni,
Jo onvalmis valvattisi,*

Сидишь ли ты ради доброт отца,
Или ради любезности хозяйки,
Или ради чистоты избы,
Или ради убранства сеней,
Или ради того, что ступеньки
белы?..

Не сидишь ты ради доброт
отца,

Не ради любезности хозяйки,
Не ради чистоты избы,
Не ради убранства сеней,
Не ради того, что ступеньки
белы.

Сидишь ты ради любимой
девицы,

Ради красоты курочки.

Жених (вильон) братец,
Ждал ты долго, жди еще:

Не готова твоя невеста (вал-
ватти),

Не готова ожидаемая тобой.

Не оделась твоя вечная по-
друга.

Заплетай-ка волосы в косы,
Связывай волосы шелком.

Жених (вильон), братец мой,
Ждал ты долго, жди еще:
Половина кос заплетена,
Другая заплется.

Жених (вильон) братец мой,
Ждал ты долго, жди еще:
Одна нога обута,
Другая обувается.

Жених (вильон) братец мой,
Ждал ты долго, жди еще:
На одну руку рукавица одета,
На другую одевают.

Жених (вильон) братец мой,
Уже готова невеста,

*Valmis valvateltavasi,
Suorinnun ikisopusi.
Pois, pojat, ulos urohot,
Pihalla pitimat miehet.

Mäne myyven myöty neiti,
Kansoin kaupattu kanani;
Miksi olit rakas rahah,
Kiivas kihlojen otolla,*

*Käpas kättä antamahan,
Toivoit kuksi luativas,
Päiväksi, näköväς,
Ijäkses on itkönista,*

*Vuuveksi voiker oimista.
Korkie on kotoni kynnys,
Vieras on hirttä korkiempis,
Elköäs miän kanaista
Pankoa parkin survojaksi;
Vieköätes miän kanani
Paksun leivän paistajaksi;
Vehnaviiplon viilijäksi,
Taikinan tapulajaksi.*

III.

*Ken tämän toven valehti,
Jotta veijo tyhjin tulou,
On mitäi venon vejella,
Kaksilaijan kannatella,
Tervalaijan luijotella.

Nenä joiku joutsenena,
Perä kruatsku kuarnehena,
Hankat hanhena haratti,
Teljot tetrina kukerti,
Pyyrimet pyina vihelti.

Tule on kohti näitä maita*

Готова ожидаемая тобой,
Оделась вечная подруга.
Прочь, парни, вон герои,
На улицу наиболее высокие
мужчины.

Иди проданная девица,
Народом проданная курочка;
Зачем ты любила деньги,
Прытка была для взятия за-
логов

И пожатия руки.
Думала на месяц поладить,
На день испытать,
Хватит тебе на век твой пла-
вать,

На год рыдать о чем.
Высок домашний порог,
Чужой на бревно выше,
Не заставьте нашей курочки
Молоть ивовую кору;
Увезите нашу курочку
Печь толстый хлеб,
В крачие пшеничного хлеба,
В валяльщицы теста.

III.

Кто такую правду солгал,
Что ни с чем брат вернется,
Есть, что везти в лодке,
В двухсторонней поднимать,
В засмоленной что везти.

Нос лебедем пел,
Корма шумела как омут,
Уключины гусями гоготали,
Сиденья тетерками скрипели,
Наконечники весел рябчиками
свистели.

Плыви прямо к этим землям

Isässä suamilla teloilla,

Vanhempais varustamilla,

Velless veisin vuolomilla.

Nouse, nuori, nostajittä,

Ylene ylentäjittä,

Vielä on nuori nostajas,

Vihanta ylentäjässä.

Pole jalka portahalla,

Toini rannalla rapoa.

Assu tietä temminkäistä,

Muata maksankarvallista,

Sikojen silitätmäistä,

Lampahien laatannaista,

Porsahien polkomaista.

Terveh, piha täysines,

Ulkoni urohines.

Terveh, sintsi täysines,

Lautakatto kansines.

Ken on tässä piä pätövää,

Päivän piällini omena?

Ken on tähä suoja suanun,

Suoja suonun, hirret tuonun —

Hirret hirmuilla mäjiltä,

Tuohet tuomivuarasiltä,

Malat marjakangahiltä,

Sammalet sulilta soiltä?..

Mita on tällä sulhasella?

Aittani joka ahossa,

Puurnuni joka purossa.

Niinpä se tänä suvena,

Niin käkesit käkösen tuuva,

На подмостки, приобретенные
твоим отцом,

На приготовленные твоими
предками,

Затесанные ножем твоего брата.

Встань, молодая, без подни-
мания,

Поднимайся без поднимающего,
Еще молод твой подниматель,

Еще зелен твой подниматель,

Ступай (одной) ногой на при-
стань,

Другой ногой на берег.

Иди по дороге „темминкяйнен“

По земле похожей на печень,

Выглаженной свиньями,

Выровненной овцами,

Вытоптанной поросятами.

Здравствуй, двор со всем
добром,

И наружное с мужчинами.

Здравствуйте, сени со всем
добром,

Крыша досчатая со сводом.

Кто здесь главный хозяин,

Кто яблоко на солнце?

Кто сюда покой построил,

Покой построил, бревна при-
вез —

Бревна со страшных холмов,

Бересту с черемуховых гор,

Малицы с ягодных боров,

Мох с болот не замерзающих?..

Что есть у этого жениха?

Амбарчик в каждой роще,

Закром в каждом ручье.

Так-то вот в это лето,

Так-то вот обещал ты кукушку
поймать,

*Helamarjan hersutella.
Niinpa se tänä suvena
Pirtti perin pyörähhti
Pirtillistä pyyhkijäistä;
Sintsi silloin siirtelih
Sintsilistä siivuojaista;
Skiaäkäset kätsertelih
Sormuskättä sulkijaista,
Khnykset kytsertelih
Hienohelmoa hersojaista,*

*Vajoset vajehtelih
Vajollista vastakätta.
Niinpä se tänä suvena
Aivoiin ammo aika suopo*

*Aika vihkon antajaista,
Kaikatti kevätkaritsa*

*Heinävihkon heittäjäistä,
Hepo hirnu hirvijesi
Heinavihkon heittäjaistä.
Miten olit anopin koissa.*

*Olitko suin sullassa voissa,
Koprin kuorlkkaroissa?
Jopa kiitin sulhasen,
Vuota kiiän patvaskan —
Paras on kylän patvaskoista.*

*On tällä patvaskalla
Parta kullan palmikoissa
Piä kullan vipulihissa.
Onpa tällä patvaskalla
Paita piällä palttinaini*

*Sunkun suuresta solestaa,
Venöähän tasaverasta..*

Ягодку домой снести.
Так-то вот в это лето
Изба поворачивалась,
(Ожидая) подметательницу;
Сени с полом передвигались,
(Ожидая) уборщицу сеней;
Дверные ручки звенели,
Ожидая закрывательницу;
Пороги поворачивались,
Ожидая тонкого подола, кото-
рый бы касался их;
Лестницы переменялись,
(Ожидая) уборщицу.
Так-то вот в это лето
Рано мычала большая Суопо
(скучая)

О подающей ей сено.
Блеял весенний ягненок (ску-
чая)

О подающей сена охапку.
Лошадь ужасно ржала (скучая)

О подавательнице охапки сена.
Каково тебе было в доме

теши,
Был ли ртом в топленом масле,
Руками в овсяных лепешках?

Уже похвалил я жениха,
Дайте похвалю патьвашку —
Он лучший из деревенских
патьвашек.

Есть у этого патьвашки
Борода в золотых косах,
Голова золотом украшена.

Есть у этого патьвашки
Рубашка полотняная поверх на-
детая

Из широкого шуньгского по-
лотна,
Из русского гладкого сукна.

*Onpa tällä patvaskalla
Uujuni ussakka vyöllä
Kesäsiuhen uumenista,
Talvilampahan takuista.*

*Onpa tällä patvaskalla
Kultanyplä kulkun alla,
Kuiven rubljan maksavaini.*

*Onpa tällä patvaskalla
Kirjakintahat käjessä,—
On liijät kirjat kintahissa.
Jopa kiitin patvaskan,
Vuota kiitän suojannaisen.*

*Mistä on suatu suojannaini,
Mista on tuotu tuojannaini?
Nousi muasta maltsinmarja,
Pellosta helijäheina —
Siitä suatih suojannaini,
Sieltä tuotih tuojannaini.*

*Suojannaini, tuojannaini,
Söi sijan sukahineh,
Mussan koiran karvoneh.*

*Suojannaisen silmat tsirkut,
Hiinkuin tähet taivosella,
Suojannaisen suu somani,
Niinkuin Suomen sukkulaini,
Suojannaisen suapka suuri
Niinkuin pisty pilvenkokka.*

*Jopa kiltin suojannaisen,
Vuota kiltan kaiken kansan.
Niin on miehet haljakoissa,
Kuin on metsä huuhtehessa.*

*Morzhien zuzarovoni,
Kakulehti-lakluvoni,
Toisin toisisa taloissa,
Ei niinkuin emosi koissa,
Niskas notkumah*

Есть у этого патьвашки
Мохнатый кушак на пояснице
Из шерсти летней овцы,
Из спутанной шерсти зимней
овцы.

Есть у этого патьвашки
Пуговка золотая под горлом,
Стоящая шесть рублей.

Есть у этого патьвашки
На руках пестрые рукавицы, —
В рукавицах лишние цветы.

Уже похвалил я патьвашку,
Обожди похвалю сваху.

Откуда взята сваха,
Откуда привезена сваха?
Поднялась с земли ягодка,
С поля красавая трава —
Оттуда взята сваха,
Оттуда привезена она.

Сваха, приносящая женщина,
Съела свинью со щетиной,
Черную собаку с шерстью.

Глаза свахи ясны,
Так же как звезды на небе,
Рот свахи красив,
Так же, как финское веретено,
Шапка свахи так же велика,
Как конец стоячего облака.

Уже похвалил я сваху,
Подожди похвалю весь народ.

Так же мужчины одеты,
Как лес покрытый инеем.

Невеста-сестрица,
Какулемхи-лаклувони¹,
По иному в другом доме,
Не то, что в доме матери,
Будет шея нагибаться,

¹ Синонимы невесты, вид цветов.

*Alemma kumartamah,
Nünkuin nuori tuomenlatva,
Kasvava katajanlatva.*

*Pitää antoa armosana
Armosanan antamini,
Kuin ukko-susi tsupussa,
Akka-karhu kartanolla.
Kyty on kykki kynnyksella,*

*Nato nuaklana tsupussa.
Noita sie kovin varaja.
Kyvyn kylmija sanoja,
Navon niskanaskuloita.*

*Toisin toisissa taloissa,
Muitein muissa vierahissa,
Ei nünkuin emosi koissa,
Eika varsin vanhempies.*

*Pijä on lusikkas luvulla,
Astiesi arvelulla,
Jottei kasit kannettais,
Pennut pienet peiteltais.*

*Laki laulajan vasyy,
Kieli kukkujan kuluu
Rahatointa laulamista,
Kullatointa kukkumista.*

*Eikä hiän aijöä tahtois,
Eikä vähätta vältä:
Kopeikka koko sanalta,
Penni kielen kiäntimelta.*

Пониже кланяться,
Как молодая верхушка черемухи,
Как растущая верхушка може-
вельника.

Следует ободрить невесту
Ласковым словом,
Когда волк-старик в углу,
Медведица-старуха на улице,
Деверь на корточках (насто-
роже) у порога,

Золовка-гвоздица в углу.
Этих ты очень бойся.
Слов злых деверя,
Щелчков золовки по шее.

По иному в других домах,
По иному в иных гостях,
Не то что в доме матери,
Не так, как в доме предков.

Держи счет твоим ложкам,
Твою посуду на счету,
Чтобы кошки не уносили,
Щенки маленькие не стащили.

Рот поющеей устает,
Язык кукующей трется
От безденежного пения,
От кукования без золота.

И многого она не просит,
Но и без малого не обойдется:
Копейку за полное слово,
Пенни за поворот языка.